

В ответ на «Невыбранную дорогу» Роберта Фроста

Сергей Орехов (Панкратиус)

Не две тропы в лесной глуши сырой,
не жёлтый лист, не медленность раздумья —
сперва был только свет, немой, живой,
ещё не ставший выбором и шумом.
Ещё не знал никто ни «я», ни «где»,
ни правоты, ни страха, ни ответа.
Лишь то, что есть, покоилось везде,
не разделяя тьмы, пути и света.

Потом возник и лес, и человек,
и дрогнул ум над мнимой границей.
И то, что было цельным Испокон век,
вдруг стало зваться двойственностью в лицах.
И ум сказал: вот эта — вглубь, а та —
уводит вбок, в иную, будто, участь.
Но выбор был лишь формою ума,
который дрОбит целое на случай.

Я долго ждал — так скажет тот, кто жил.
Я всматривался — скажет память позже.
Я выбрал — скажет тот, кто полюбил
свой путь считать единственно возможным.
Но если глубже вслушаться в тот час,
где шаг ещё не назван был судьбою, —
не я искал дорогу среди трасс,
а путь искал, чем стать во мне собою.

Казалось мне: одна тропа — моя,
другая — тень несбывшегося шага.
Но не исчезла скрытая стезя,
не стала прахом, выжженным оврагом.
Она осталась тихо жить во мне —
не как укор, не как иная доля,
а как незримый Отсвет в глубине,
как форма нерастраченного поля.

Не выбор разделяет, а потом
мы учимся различью понемногу.
Пока не тронут лес единым днём,
ещё не разошлись в нас две дороги.
Они почти не спорят меж собой
под тёмным сводом зелени и тени.
Лишь шаг один одну зовёт судьбой,
другой даря безмолвие и тленье.

Но нет, не в том трагедия живёт,
что мы вторую тропку потеряли.
А в том, что ум, творя себе оплот,
себя зовёт хозяином печали.
Он мыслит так: «я должен был суметь
сберечь и это, и иное тоже».

Но жизнь не может надвое гореть.
Она одна. И в этом суть, быть может.

Не я избрал — во мне избрался путь,
когда ещё я сам не знал об этом.
Жизнь шла собой, мне не давая лгать,
и проступала голосом и светом.

Не я сводил развилку в свой итог,
я не владел ни пламенем, ни тенью.
Я был лишь тем, где отошла от сна
та глубина, что старше разделения.

И если Бог — не образ, не предел
воображенья, страха и закона,
а то, что ЕСТЬ, чем дышит весь удел,
чем держатся и бездна, и корона, —
тогда и лес, и путник, и тропа,
и выбор, и сомнение, и слово —
не внешняя разрозненная мгла,
а БЫТИЕ, узнавшееся снова.

Не я — а глубина, приняв мой вид,
застыла там, где лес темнеет глуше.
Она во мне колеблется, болит,
и временем раскалывает душу.
Она же шепчет: «эта или та?»
Она же после плачет о возможном.
Но в час, когда спадёт с вещей черта
и ум не сможет править осторожно,
откроется: не две судьбы стояли,
не два начала спорили во мгле, —
одно и то же Есть в живом кристалле
искало лик свой в имени и мгле.

Тогда ясна последняя черта:
не путь меняет сущность и природу.
Не «меньше хоженная» правота
даёт душе невидимую воду.
А то, что в каждом шаге, в каждом «да»,
в любом «не так», в падении и взлёте
одно и то же тихо, как звезда,
смотрело в мир через людские плоти.

И потому, когда мне лес опять
раздвинет тень и вынесет два следа,
я не стремлюсь заранее угадать,
какая боль правдивей для ответа.
Я выбираю не красу пути,
не лёгкость, не одобренное многим, —
а где могу прозрачнее пройти
и меньше заслонять собою Бога.

И, может быть, за гранью всех дорог,
за лесом, полем, памятью и болью,
не выбор ждёт, не суд и не итог,
а тишина, наполненная ролью

не личности, не имени, не «я»,
а чистого, простого пребывания.
Где всё, что было, — только чешуя
с незримого и вечного сиянья.

Там нет уже ни первых, ни вторых,
ни тех путей, что в сердце отзвучали.
Там свет един и не дробИм на штрих,
как небо нераздельно в перевале.
Там вздох умолк, и поздняя молва
уже не шьёт из памяти узоры.
Туда никто не шёл — но жизнь сама
всегда была там глубже всякой формы.

И если есть за Фростом новый слух,
то он не в том, что выбор ложен, труден, —
а в том, что мир, дробящийся на двух,
в глубинной сути вовсе нераздЕлен.
И лес, и след, и память, и тоска
по той тропе, что скрылась за ветвями, —
лишь рябь на том, что цельно сквозь века
глядит на мир нездешними глазами.

оригинал стихотворения **Robert Frost — «The Road Not Taken»:**

Two roads diverged in a yellow wood,
And sorry I could not travel both
And be one traveler, long I stood
And looked down one as far as I could
To where it bent in the undergrowth;

Then took the other, as just as fair,
And having perhaps the better claim,
Because it was grassy and wanted wear;
Though as for that the passing there
Had worn them really about the same,

And both that morning equally lay
In leaves no step had trodden black.
Oh, I kept the first for another day!
Yet knowing how way leads on to way,
I doubted if I should ever come back.

I shall be telling this with a sigh
Somewhere ages and ages hence:
Two roads diverged in a wood, and I —
I took the one less traveled by,
And that has made all the difference.

Сергей Орехов (Панкратиус) · pancratius.ru
CC0 1.0 Universal — public domain
No rights reserved. Copy, translate, distribute, perform, build upon.